

«ТранхоПС» и около
(по архиву М. Л. Лозинского)
Часть III *

*Публикация И. В. Платоновой-Лозинской
Сопроводительный текст, подготовка и примеч. А. Г. Меца*

Сессия 28 декабря 1912 года

По письму М. Л. Лозинского к С. С. Граалю-Арельскому, в этот день состоялось «полуднехвое собрание в честь приехавшей в ПБ на праздники Е. Ю. Кузьминой-Караваевой» (РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 761. Л. 3). В Цехе поэтов Е. Ю. принимала участие начиная с первых собраний, на одном из них прочитала доклад о поэзии Лозинского (письмо Лозинского к брату Григорию от 6/19 дек. 1911 г.; текст доклада сохранился) и позднее под маркой Цеха издала сборник стихов «Скифские черепки» (март 1912 г.); о ее участии в Цехе см.: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // *Russian Literature*. 1974. № 7/8. P. 25, 32. В Петербург Кузьмина-Караваева приехала из своего имения в Анапе, где находилась с лета. Вскоре, весной 1913 г., оставив мужа, Д. В. Кузьмина-Караваева, вернулась в Анапу (см. предисловие А. Н. Шустова к изданию: Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб., 2000. С. 10). От нынешнего заседания сохранились стихи Кузьминой-Караваевой и триолеты Василия Гиппиуса.

© Публикация И. В. Платоновой-Лозинской, 2012.

© Сопроводительный текст, подготовка и примеч. А. Г. Меца, 2012.

© TSQ 41. Summer 2012 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

* Первая часть («сессии» 22 мая 1911, 15 октября 1912, 15 марта 1913) опубликована в издании: *Natales grate numeras? Сб. статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона*. СПб., 2008; вторая часть («сессии» 20 декабря 1911, 1 апреля 1912, октября — ноября 1912) — на сайте «Ruthenia», в разделе «Габриэлиада: к 65-летию Г. Г. Суперфина» (2008).

<Е. Ю. Кузьмина-Караваева>

28/ХП/12

Они сидели в полутьме
На волховском, на переулке,
И пили чай, и ели булки,
И сочиняли бу-Римэ.
Но булки вышли, чай иссяк<,>
Иссяк и спор об акмеизме<,>
Блеснул сонет об романтизме<,>
И о подушке думал всяк<.>
Читатель, ах, транхопс наш высмей.

Автограф, карандаш. Позднейшая запись М. Лозинского: Волховской 2. 28 марта 1914 (в числах года и месяца Лозинский ошибся, неверно прочитав цифры даты, записанные Кузьминой-Караваевой).

«Спор об акмеизме» закономерно возник на этом заседании как продолжение прений по докладу С. Городецкого «Символизм или акмеизм» (19 дек. 1912 г. в «Бродячей собаке») и в преддверии появления в печати акмеистических манифестов Гумилева и Городецкого на страницах первого номера «Аполлона» следующего года.

«Сонет об романтизме» (вероятно, писавшийся на заданные рифмы) в архиве Лозинского не сохранился. В поздние годы Ахматовой по памяти были записаны «обрывки сочиненной Цехом пародии на знаменитый сонет Пушкина», который пока что не удается увязать ни с одной «сессией» транхопса; приведем его здесь:

Valère Brussoff не презирал сонета,
Венки из них Иванов заплетал,
Размеры их любил супруг Анеты,
Не плоше ль их Волошин лопотал.

И многие пленялись им поэты,
Кузьмин его извозчиком избрал,
Когда, забыв воланы и ракеты,
Скакал за Блоком, да не доскакал.

Владимир Нарбут, этот волк заправский,
<пробел> в метафизический сюртук облек
<.....>

И для него Зенкевич пренебрег
Алмазными росинками Моравской.

(Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 186).

<Второе стихотворение этого дня:>

По пятницам в „Гиперборее“
Расцвет литературных роз.
И всех садов земных пестрее
По пятницам в „Гиперборее“,
Как под жезлом воздушной феи,
Цветник прельстительный возрос,
По пятницам в „Гиперборее“
Расцвет литературных роз.

Выходит Михаил Лозинский,
Покуривая и шутя,
С душой отцовско-материнской,
Выходит Михаил Лозинский,
Лелея лаской материнской*
Свое журнальное дитя,
Выходит Михаил Лозинский,
Покуривая и шутя.

У Николая Гумилева
Высоко задрана нога,
Далёко в Царском воеет Лёва,
У Николая Гумилева
Для символического клёва
Рассыпанные жемчуга,
У Николая Гумилева
Высоко задрана нога.

Печальным взором и пьянящим
Ахматова глядит на всех,
Глядит в глаза гостей молчащих,
Печальным взором и пьянящим,
Был выхухолем настоящим
Ее благоуханный мех.

Печальным взором и пьянящим
Ахматова глядит на всех.

Ритмичный Мандельштам Иосиф,
Покачивает головой,
В акмеистичное ландо сев,
Ритмичный Мандельштам Иосиф,
Одежды символизма сбросив,
Сверкает речью огневой,
Ритмичный Мандельштам Иосиф,
Покачивает головой.

А Гиппиус на дальнем стуле
Марает вольный триолет,
Напал на стену (но на ту ли?),
А Гиппиус на дальнем стуле,
Горяч, как самовары в Туле,
Пронзителен, как пистолет.
А Гиппиус на дальнем стуле,
Марает вольный триолет.

28 декабря 1912

* Рукой лаская исполинской

Черновой автограф рукой Вас. В. Гиппиуса. Сноска и дата — рукой Лозинского.

Впервые полностью: Ахматова А. *Десятые годы* / Составл., примеч. Р. Д. Тименчика, К. М. Поливанова. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 80—82, с неточностями в тексте строфы 5. Цитировалось Ахматовой: Ахматова А. *Листки из дневника* // *Вопросы литературы*. 1989. № 2. С. 187, а также И. Одоевцевой (со слов Н. Гумилева), с пародийным вариантом стиха 30: «У ней на сумке драный мех» (Одоевцева И. В. *Избранное: Стихотворения. На берегах Невы. На берегах Сены*. М., 1998. С. 230).

По пятницам в „Гиперборее“. — Редакционные собрания журнала «Гиперборей» проходили в квартире Лозинского по пятницам. *Рассыпанные жемчуга*. Намек на поэтический сборник Гумилева «Жемчуга» (1910). *Триолет* (франц. triolet) — стихотворение из восьми стихов на две рифмы, при

этом первый стих в обязательном порядке повторяется в четвёртой и седьмой, а второй стих — в завершающей строке.

Сессия 17 февраля 1914 года

В этот день собравшиеся (в квартире М. Л. Лозинского? в доме Гумилевых в Царском Селе?) трудились над сочинением стихов «Антологии античной глупости». На листе с этой датой рукой Лозинского и неустановленного лица записаны три из них, «героем» которых был Лозинский.¹ На обороте листа — рисунок Лозинского, изображающий сцену закрытия Цеха поэтов Левой Гумилевым с надписью: «[Пусть] Вот Левушка подрастет и закроет цех!» (см. иллюстрацию).

Комментарием к рисунку Лозинского могут служить слова Ахматовой: «в зиму 1913—14 (после разгрома акмеизма) мы стали тяготиться Цехом и даже дали Городецкому и Гумилеву составленное Осипом и мной прошение о закрытии Цеха».² Решение о закрытии Цеха поэтов было принято Гумилевым и Городецким 21 дек. 1914 г., о чем последний известил Лозинского письмом от 13 янв. 1915 г. (архив М. Л. Лозинского).

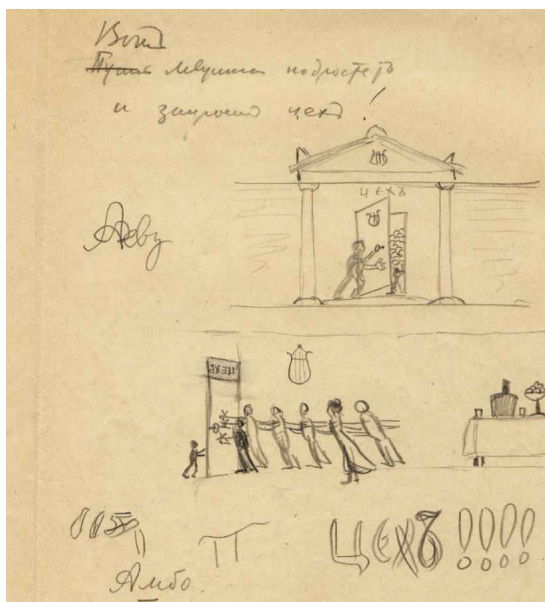

Иллюстрация к сессии 17 февраля 1914 г.

¹ См. стихи 4, 5, 6 из этого цикла и комментарий к ним: Мандельштам О. Полное собр. соч. и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. С. 321, 698.

² Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 192.

Сессия 28 мая 1915 года

От этой сессии сохранился только сонет-акrostих «Хозяину К. Ляндау», написанный М. Л. Лозинским, — как следует из текста, в квартире Ляндау, называемой в мемуарах «подвалом» (на самом деле — полуподвал), по адресу: Фонтанка 23, кв. 3. Константин Юлианович Ляндау (1890—1969) в то время — студент университета (историко-филологического факультета) и начинающий поэт (в 1916 издал сборник стихов «У темной двери»³ и собрал, вместе с Е. Г. Лисенковым, «Альманах Муз»), а впоследствии — театральный режиссер (эмигрировал в 1920, умер в Бельгии), в 1915 г. снял и со вкусом обставил квартиру по указанному адресу, которая стала местом собраний поэтов (М. Кузмин, Ю. Юркун, С. Есенин, В. Чернявский, Вас. Гишпиус, Рюрик Ивнев, М. Струве, О. Мандельштам, В. Шилейко и мн. другие).

Увы, опознать в «Хусейн-оглы», воспетом Лозинским, реальную фигуру не удастся.

Хусейн оглы<> чьё ложе оттоманка<>
Объятый жаждой северных картин<>
Задумал плыть туда, где ложем тин
Янтарный груз струит к Неве Фонтанка<>

И есть ли грезам лучшая приманка<>
Но он<> как муха в нитях паутин<>
Узнал, что в мире есть всему изнанка<>
Когда попал в Пирее в карантин.

Летели годы. Всё менялось. Питер
Явил вселенной перемену литер.
Но ни чертогов, где портреты Дау

Досель Хусейн не видел, ни канала
Адмиралтейского, ни див подвала,
Устроенного для себя Ляндау.

Черновой автограф, карандаш.

³ Рецензировался Гумилевым, см.: Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии / Коммент., подг. текста Р. Д. Тименчика. М.: Современник, 1990. С. 204, 336.

Позднейшая помета М. Лозинского: 28.V.15.

Питер Явил вселенной перемену литер. — Подразумевается состоявшееся к этому времени переименование города из Санкт-Петербурга в Петроград. *Но ни чертогов, где портреты Дау.* — Подразумевается Военная галерея 1812 года в Зимнем дворце и размещенные в ней портреты героев войны кисти Джорджа Доу.

Сессия 20 декабря 1915 года

Во время сессии писался сонет на заданные рифмы: «Федор Сологуб», «Вячеслав Иванов», «Иосиф Мандельштам», «Гумилев». Сохранился только опыт М. Л. Лозинского, записавшего рифмы на правом поле листа. Темой было прошедшее 12 декабря заседание Общества ревнителей художественного слова, первая часть которого была посвящена «собеседованию» по общей теории стихосложения (под председательством Н. В. Недоброво). «Вторая часть вечера была, по обычаю „Академии Стиха“, отдана слушанию (под руководством проф. Зелинского) стихов. Свои произведения читали Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Лозинский, Владимир Пяст» (Litotes. Общество ревнителей художественного слова // Аполлон, 1916. № 2. С. 55—56). Содержание терцетов получит свое объяснение, если соотнести его с мемуарным наброском Г. В. Адамовича, посвященном стихотворению «Я не увижу знаменитой „Федры“...» Мандельштама: «На одном из вечеров в „Аполлоне“, незадолго до революции, Мандельштам читал их в присутствии Вячеслава Иванова. Тот отнесся к ним холодно, тут же превознес до небес довольно заурядные стихи, прочитанные В. Пястом. На Гумилеве лица не было. Оценку Вяч. Иванова он приписал его заведомой вражде к акмеизму и был тем более ею возмущен».⁴

⁴ Опыты. 1956. № 6. С. 93. О том же случае Адамович писал на 20 лет раньше с некоторыми отличиями в деталях: «Брюсов учил писать хорошие стихи, а Вячеслав Иванов мечтал писать стихи так, чтобы изменилась жизнь... Даже Гумилев, убежденнейший последователь Брюсова, это признавал и чувствовал. Он нередко на Вячеслава негодовал (вспоминаю случай, когда тот, публично восхитившись бледными виршами Пяста, снисходительно поморщившись, разобрал затем, как „довольно любопытный“ опыт, великолепнейшее стихотворение Осипа Мандельштама о Расине: на Гумилеве лица не было!), но именно потому, что слишком его ценил, потому, что знал, как затемняют иногда разум случайные дружеские пристрастия» (Адамович Г. Две статьи // Последние новости. 1938. 13 января. № 6137. С. 3). За помощь в подготовке комментария приношу благодарность О. А. Коростелеву.

Когда сухих не размыкая губ<,>
На кафедре поднялся Сологуб
И тихо лопнул многогрешный Федор<,>
Suavillinum распространился odor.<>

Сей сладостный восславить кенотаф
Ему вослед поднялся Вячеслав,
И тоже лопнул, но в громах, Иванов,
Распространяя душный клуб дурманов.

Присутствовавший Мандельштам Иосиф,
На полуслове Третий Камень бросив<,>
Сжег все проекты будущих стихов.<>

Его журил, как старший, Гумилев:
Такая робость, милый, неприлична<,>
Их жизнь дурна, но смерть акмеистична.

Черновой автограф, карандаш. Позднейшая помета М. Лозинского:
20.XII.1915. У М. А. Струве. *Suavillinum odor* — сладчайший аромат (лат.).

Михаил Александрович Струве (1890—1948) — поэт, член второго Цеха поэтов; в 1916 издал сборник стихов «Стая» (отрецензирован Н. С. Гумилевым). В 1915 г. жил в одном доме с Лозинским (Каменнострровский проспект, д. 73—75); В. Пяст в «Поэме о трех городах» обходит квартиры знакомых в доме, «где жил и работал Лозинский», и вспоминает:

..... Заходим ко Струве
Или Струвэ, как поэта тогда называли
В „Цехе поэтов“. Поэты тогда убывали
(вариант в сноске: воевали),
Как вообще молодежь...
(Архив М. Л. Лозинского)

Возможно, М. Струве, как и Лозинский, принял участие в писании сонета на заданные рифмы: известен его ранний опыт в этом направлении, отраженный в письме к Вл. В. Гиппиусу от 22 декабря 1913 г.: «Володя! Вчера вечером я с Васей (Гиппиусом. — А. М.) сидел в „Вилле Ренессанс“. Нам вздумалось писать сонет — программу проведенного вечера. Задания были таковы: 1) акростих „Миша и Вася кутят“ и 2) рифмы — Сабуров, апаш, „Ренессанс“ и Тато.

Сонет

Меня увлек Грановскою Сабуров
И не пустил в собачий стан апаш.
Шалишь, апаш, я всех храбрее буров,
А ты — наглец, ты — хуже всех пропаж.

И пусть покажет ловкий карандаш
Владычество изящных каламбуров.
Апаш — ничто, когда толпой амуров
Сражен навек я — Афродиты паж...

Я устремился быстро в „Ренессанс“ —
К напевам дев, к пленительному Тато;
Увы<> ничтожен мой бюджетный шанс, —

Там царь — банкир с лицом оранг-утанга;
Я — лишь поэт, и весь мой декаданс
Теряется, как прах в потоках Ганга.

М. Струве».⁵

⁵ ИРЛИ. Ф. 47. Оп. 4. Ед. хр. 57. «Вилла „Ренессанс“» — увеселительное заведение в районе Лиговки; Грановская Елена Маврикиевна (1877—1968) — актриса, работала в антрепризах Симона Федоровича Сабурова (1868—1929), в т. ч. в «Пассаже» (ныне театр «Комедия»). Собачий стан — «Бродячая собака».